

Н. А. Слободянюк

**Личностные качества подпольщиков Киева
как фактор эффективности антифашистской борьбы**

Внимание современных историков, изучающих события периода Великой Отечественной войны направлено прежде всего на нетрадиционные для советской историографии вопросы. В частности, важным направлением исследований становится психология как мирных жителей, так и участников движения Сопротивления. В таких исследованиях на первый план выходит личность, ее самовосприятие, модели и мотивы поведения людей. Цель данной работы – исследование малоизвестных и малоизученных аспектов истории советского антифашистского подполья

¹ Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. М., 1991. С. 294.

Киева в 1941–1943 гг. В работе особое внимание уделяется личным взаимоотношениям в подпольной среде, моральному климату внутри разных групп и подполья в целом, влиянию личностных качеств подпольщиков на эффективность антифашистской борьбы.

По советской историографической традиции достаточно внимания уделялось проблемам, с которыми сталкивались народные мстители в борьбе с оккупантами, но все они сводились к анализу только внешних факторов, не рассматривая внутренних трудностей, возникавших в подпольной среде. Невероятно трудной задачей руководителей подпольных организаций и групп являлось поддержание конспирации и дисциплины, без которых выживание подполья практически сводилось к нулю. Им постоянно приходилось сталкиваться с нарушением правил конспирации, недобросовестным выполнением заданий, пассивностью и прямым неподчинением, соперничеством и самовольством со стороны подчиненных, личными конфликтами членов организаций, сплетнями, заговорами, пьянством, распутством, воровством и присваиванием материальных ценностей. Нередко именно личная неприязнь и моральная несостоятельность членов подполья приводила к провалам.

Ошибки при подборе кадров в подполье, неожиданно свирепые репрессии немцев, общая атмосфера растерянности и страха на фоне поражений Красной армии привели к проявлениям пассивности, малодушия и даже предательства. Связная горкома Вера Аристархова заявила, что «если будете с меня требовать работу, я работать не буду и заявлю в гестапо». Секретарь горкома К. Ивкин решил с ней поговорить, но этот разговор стал роковым для него и всей организации. В. Аристархова стала предателем¹.

Некоторые киевляне отказывались помогать подполью из-за страха за своих близких. По всей видимости, именно так обстояло дело, когда жена Николая Артюшенко спустила в унитаз несколько килограммов тола, предназначенного для взрыва водокачки². Другие же, наоборот, излишне привлекали своих родственников к нелегальной деятельности. Так, в некоторые подпольные группы организации Г. Голеца новые члены привлекались из числа родных (мужья, жены, сестры, братья). Слишком большое количество родственников приводило к принятию ошибочных решений, продиктованных не долгом перед Родиной, а родственными связями. Например, к группе Пономаренко-Грищенко относилась семья Мочульских. Члены группы знали, что Жора Мочульский – ненадежный человек, имеет связи с женщинами легкого поведения и что это может привести к провалу группы. К сожалению, соратники ограничились разговорами с Мочульским, жалея его жену и детей. В конце концов Мочульский был арестован и выдал участников своей группы³.

По свидетельству подпольщика Г. Голеца, несколько неожиданно для него закончилась заготовка продовольствия для подпольщиков Кие-

¹ Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 22. Д. 349. Л. 87.

² Там же. Оп. 2. Д. 369. Л. 61.

³ Государственный архив Киевской области (ГАКО). Ф. П-792. Оп. 1. Д. 191. Л. 8.

ва: «На селе мы проработали около месяца, заработали 45 пудов хлеба. Мы работали вдвоем с Кривулиным. Клоков лодырничал. Когда нам отдали заработанный хлеб, то мы взяли повозку и весь этот хлеб направили в Киев с Клоковым, обязав его завезти хлеб к Бородзею в Святошино, где хлеб должен был храниться. Клоков хлеб присвоил. Как мы узнали позже, он в Киеве пристал в приемы, женился и совершенно отошел от работы. Вначале мы думали, что он погиб, стали его разыскивать, но люди, которые возили наш хлеб, нам сказали, что Клоков не погиб, а, наоборот, неплохо устроился»¹.

Постоянным спутником некоторых подпольных организаций Киева, включая горком, стали пьянство, половая распущенность и безалаберность. Если в подпольной среде начиналось моральное разложение, то оно приводило к внутренним конфликтам, ослаблению дисциплины, расконспирации, провалам и гибели многих людей. По данным НКГБ УССР, «члены бюро подпольного горкома КП(б)У Петрушко... Рябошапка, Смагин и др. конкретных указаний не давали, людьми не руководили, разложились в быту и занимались пьянством. На почве пьянства, бытового разложения, разбазаривания не по назначению средств и продуктов питания между членами организации происходили ссоры»².

Александра Герасимова в своих показаниях рисует общую картину взаимоотношений между мужчинами и женщинами в киевском подполье весной–летом 1943 г.: «особенно за последнее время наши ребята стали здорово пить... Ваня приходил и говорил – народ распустился. Вообще в организации появилось очень много женщин... которые плохо ведут себя. Деньги достают для организации, а их пропивают. В частности Соня Лавриненко сошлась с Печерским и в одной из пьянок приревновала его к одной связной. Был целый скандал по этому поводу и Соня решила отравить Печерского. Пятницкий говорил, что они не знают, что делать с Соной Лавриненко, очевидно, ее придется пустить в расход. В организации начался провал за провалом. Девушки сильно пьянствовали, начались скандалы. Несколько раз дело доходило до того, что чуть ли не вся организация должна была провалиться... Потом я узнала, что Геннадий якобы застрелил Соню»³.

Несколько предательств в киевском подполье произошли именно на почве личной неприязни и конфликтов. Среди них следует назвать Дмитрия Благова из подпольной организации Г. Голеца, который стал пить и хулиганить, проболтался посторонним людям, что является подпольщиком, проявлял неподчинение руководителю группы. Неоднократные угрозы, беседы, попытки отправить Благова из Киева в партизанский отряд оказались безуспешными. Во время последнего разговора с Благовым ему пригрозили расстрелом, что, видимо, и подтолкнуло его к измене⁴.

Пребывание на нелегальном положении, факты предательства, поражения и репрессии способствовали распространению среди подполь-

¹ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 351. Л. 73.

² Там же. Д. 11. Л. 128.

³ Там же. Д. 351. Л. 52.

⁴ Там же. Л. 89–93.

щиков атмосферы взаимного недоверия и подозрительности. Например, после очередных арестов руководитель одной из подпольных организаций Ленинского района Г. Голец был несправедливо заподозрен в измене. Командир партизанского отряда И. Хитриченко, с которым активно сотрудничал Голец, отдал тайный приказ о расстреле последнего. Лишь случайность, правильное поведение и выдержка Голца помогли ему избежать нелепой смерти¹.

Когда были задержаны и посажены в лагерь для военнопленных И. Кудря и Г. Дудкин, связная Кудри Мария Груздова просила оставшихся на свободе диверсантов НКВД помочь товарищам. Но те, по ее свидетельству, отказались: «...наши товарищи, с которыми я была связана, проявили себя очень плохо в отношении того, чтобы помочь выручить Ивана Даниловича... Соболев сильно струсил и совершенно отказался от помощи Кудре... Они мне сказали, что ничем помочь не могут, а если я хочу идти к Кудре, то что ж, могу подставить свою голову»². Сама же Груздова, находясь под угрозой ареста, благодаря своей смелости, настойчивости и находчивости смогла расположить к себе немецких офицеров и вызволить руководителя из лагеря.

Когда была расконспирирована сама М. Груздова и стала остро нуждаться в жилье, деньгах и надежных документах, то Д. Соболев так же безжалостно отнесся и к ней. Вот что она сообщила после перехода через линию фронта: «Около двух лет я работала, не считаясь ни со здоровьем, ни с семьей, работала честно и не было ни единого случая, чтобы я старалась себя сберечь в ущерб общему делу... И вот, когда случилась эта история с Кондратюком [арест И. Кудри – прим. авт.], то Соболев начал усиленно меня гнать из Киева. Что он мне говорил? Знаешь, ты для нас опасна, ты нам сейчас не нужна. Я ему на это отвечала: "Позвольте, Митя, ведь то, что Вы говорите – это значит просто пойти и отдаться им [гестаповцам – прим. авт.] в руки"... Соболеву хорошо был известен тот контроль, который организовывали немцы на дорогах. Как можно было идти без единого документа? Со своим паспортом я идти не могла, так как у меня дома сидела засада и если бы меня задержали, то сейчас же доставили бы в Киев, а без паспорта идти тоже нельзя. Мне не хотелось глупо класть свою голову, это никому не нужно было. Я сказала Соболеву: "Митя, Вы мне должны помочь и прежде всего материально. Я осталась без всего...". Он мне говорит: "Через три дня ты должна уйти со Сталинки, иначе я приму меры». Куда я могла уйти? Для того чтобы я могла уйти, мне нужно помочь, нужно подготовить мой уход... Соболев начал на меня кричать: "Ты нам не нужна, уходи куда хочешь, не мое это дело". Положение у меня было очень тяжелое. Этот разговор происходил при Печеневе. Печенев заметил Соболеву: "Нельзя так подходить, выходит, что мы использовали человека, а потом выбросили его. Она ни в чем не виновата, никого не провалила, никого не предала. Все-таки ей нужно помочь". Соболев налетел на Печенева: "Не твое дело мешаться", – и снова мне сказал: "Уходи, чтобы через три дня твоего духа тут не бы-

¹ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 351. Л. 100–108.

² Там же. Д. 14. Л. 23.

ло...". Я вышла на улицу и мне буквально некуда было идти. Я осталась на улице, а на улице можно быть только до 8 часов вечера. Мне было очень обидно. Кто должен был мне помочь в моем положении? Только наши товарищи. Я за собой никакой вины не чувствовала, была совершенно чистой и мне было обидно, что со мной так поступают»¹.

Несмотря на многочисленные примеры негативного поведения подпольщиков, нельзя сказать, что киевское подполье сплошь состояло из пьяниц, развратников, трусов и интриганов. Сам факт членства в нелегальной организации грозил каждому из подпольщиков материальными и моральными лишениями, пытками и смертью. А значит, каждый из них обладал определенной долей смелости и любви к Родине. Один и тот же человек в личных отношениях мог показывать себя не с лучшей стороны, но в борьбе с оккупантами часто проявлял положительные качества характера.

В архивных документах описано немало случаев стойкого и героического поведения подпольщиков в сложных ситуациях. В самом начале оккупации Киева на бульваре Шевченко за саботаж повесили трех молодых людей, работавших на территории кабельного завода. Перед смертью они сказали: «Сегодня нас вешают, а завтра вас, мы погибаем за родину». Один из этих парней при повешении сорвался. Его хотели еще раз повесить, но он так сильно ударил в живот палача, что тот на месте застрелил его².

Проявляли мужество не только подпольщики, но те, кто им помогал. Так, когда гестаповцы арестовали члена диверсионной группы Г. Дудкина, он улучшил момент и сильным ударом в лицо сбил с ног одного гестаповца. Дудкин, воспользовавшись замешательством, забежал во двор, где была какая-то столовая. Он зашел в столовую и сказал: «Товарищи, я не бандит, я коммунист. Спасите меня». Какая-то женщина выпустила его через черный ход и он смог скрыться³. Командир вооруженных отрядов горкома В. Чернышов в момент ареста бросился на гестаповцев с топором, ранил двоих из них, пытался бежать и был схвачен только после ранения в ногу⁴. А вот у Ивана Васильева, который 15 июня 1942 г. попал в засаду на явочной квартире Якименко, не было ни огнестрельного, ни холодного оружия. Тогда он разбил гестаповцу голову графином и убежал⁵.

17 мая 1943 г. руководитель подпольной организации в депо Киев-Московский А. Тимощук при выходе из конспиративной квартиры заметил, что к дому подъехал автомобиль с вооруженными гестаповцами. Тимощук бросился бежать, но они открыли по нему стрельбу и ранили подпольщика. Истекая кровью, Тимощук пережевывал во рту документы и, видя свое безвыходное положение, взорвал у себя на груди гранату⁶.

¹ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 14. Л. 55–57.

² Там же. Д. 353. Л. 91.

³ Там же. Д. 14. Л. 31.

⁴ Государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 5. Д. 58897. С. 100.

⁵ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 282. Л. 18.

⁶ ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 193. Л. 91.

Не желая переносить пытки, просил товарищей передать ему яд и секретарь подпольного Киевского горкома К. Ивкин. Он был ранен, оказав сопротивление при аресте, и находился в больнице под охраной гестапо. Товарищи достали Ивкину яд, однако передать его не успели¹.

По рассказам арестованной связной Галины Салан достойно себя вели в немецкой тюрьме и другие руководители подполья. Чернышов часто пел революционные песни, а А. Пироговский предложил ей свои ботинки со словами: «Мне все равно умирать, а тебе наверное в концлагере быть придется»². Член подпольного горкома В. Кудряшов был арестован 2 июня 1942 г. Характеризовался как энергичный, смелый, волевой человек с большими организаторскими способностями, преданный Родине. Перед своей смертью он 17 июня 1942 г. тайком передал своим родителям письмо, которое характеризует Кудряшова как искреннего и стойкого коммуниста и антифашиста: «Здравствуйте дорогие родители. Меня ожидает смерть. Ее я не боюсь принять, но жаль, что смерть должна меня поразить через предательство "русского человека". Тот, кому доверяли сотни молодых..., оказался предателем... Предательством он думал приостановить дело, за которое мы боролись... Чудак, не станет нас, станут другие русские патриоты. Их много, и священное дело освобождения от ненавистного фашизма будет скоро торжествовать победу... Передайте брату, сестре, сыну Саше и жене последнее прощание. Саше передайте, чтобы рос честным для народа, крепким, смелым. Чтобы врагов ненавидел также, как и его отец... Привет всем тем, кто с нами работал, помогал и жил мыслью освобождения в священной борьбе русского народа от ненавистного фашизма. Прощайте, целую Вас крепко Ваш сын, отец, брат и муж»³.

Подводя итоги, можно отметить, что важным фактором эффективности антифашистской борьбы подполья г. Киева являлись личностные качества его участников: моральная и психологическая устойчивость, профессиональная подготовленность, чувство патриотизма.

¹ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 363. Л. 146.

² Там же. Д. 135. Л. 49.

³ ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 84. Л. 4–5.